

12. Greene K.S., Peña E.D., Bedore L.M. Lexical choice and language selection in bilingual preschoolers // Child Language Teaching and Therapy. – 2013. – No. 29. – P.27-39.
13. Muysken P. Bilingual speech. A typology of code-mixing. – UK: Cambridge University Press, 2000. – 306 p.
14. Romaine S., Braj K. Code mixing and code-switching // The Oxford Companion to the English Language. – Oxford University Press, 1992. – P. 228-229.
15. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
16. Zentella A.C. Growing up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. – Malden, Massachusetts: Blackwell Publisher Inc, 1997. – 323 p.

УДК 93

Кондорский Борис Михайлович, кандидат биологических наук.

Начальник отдела

НПФ «Синбиас», Украина, г. Донецк

bmkbox@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ НА ХАРАКТЕР ПРОТЕКАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В процессе исторического развития смена одного этапа другим происходила революционным путем. Каждый этап характеризовался определенным типом исторического сознания.

Революции Нового времени в одной стране или группе близких стран составляют революционный период (РП) как систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих законов. Выделено три основных группы стран, в зависимости от характера РП. В Китае, также как и России, РП ограничился рамками XX века.

Неполный и ограниченный характер феодальной революции в период династии Сун, способствовал сохранению традиционного сознания. Это стало препятствием в формировании в Китае капиталистической системы.

Культурная революция, по замыслу Мао Цзэдуна, с одной стороны должна была разрушить основы традиционного, конфуцианского сознания. С другой стороны – устранить возможность появления «ревизионизма» и либерального подхода к реформированию и модернизации экономической и политической систем в Китае.

Просматривается сходство основных моментов Культурной революции с реформами Ивана Грозного.

Ключевые слова и фразы: история Китая XX века, революционный период в Китае, Культурная революция, традиционное сознание, реформы Ивана Грозного.

Kondorskii Boris Mihaylovich, *Candidate of Biological Sciences.*
Head of department
SPF «Sinbias», Donetsk, Ukraine,
bmkbbox@yandex.ru

IMPACT OF CHINESE HISTORICAL DEVELOPMENT ON CHARACTER OF THE REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. In the process of historical development, the replacement of one phase of another occurred in a revolutionary way. Each stage was characterized by a certain type of historical consciousness.

The Revolution of New time in a single country or group of similar countries make up revolutionary period (RP) as a system that has its own laws. Specific revolution are a manifestation of these laws. There are three main groups of countries, depending on the nature of RP. In China, as well as Russia, the Revolutionary Period were limited by framework of the XX century.

Incomplete and limited character of feudal Revolution in the period of the Song Dynasty, contributed to the preservation of traditional consciousness. This has become an obstacle in the formation of China's capitalist system.

The Cultural Revolution, as conceived by Mao Zedong, on the one hand should to destroy the foundations of the traditional, Confucian consciousness. On the other hand it was to eliminate the possibility of «revisionism» and a liberal approach to the reform and modernization of the economic and political systems in China.

Can be seen similarities of highlights the Cultural Revolution with the reforms of Ivan the Terrible.

Key words and phases: Chinese history of the XX century, the revolutionary period in China, the Cultural Revolution, traditional consciousness, reform of Ivan the Terrible.

Процесс исторического развития, начиная с периода древности и заканчивая нашим временем, можно рассматривать как своеобразную систему в пространстве и во времени. Каждое событие является элементом данной системы. И для того, чтобы понять его сущность, значение – нужно проанализировать все исторические предпосылки, которые в той или иной степени связаны с данным явлением, обусловленные действием объективных законов.

В процессе исторического развития можно выделить ряд основных этапов. Каждый этап характеризовался определенным типом исторического сознания и социального пространства. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путем. Здесь можно выделить следующие основные революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития.

Помимо вышеуказанных этапов, можно говорить о двух основных эпохах в истории человечества. Первую эпоху можно назвать социальной, а вторую –

общественной, что предполагает принципиальные отличия двух категорий – социума и общества [22].

Элементом социума как системы является человек, индивид как личность. Социум выступает как форма совместного существования. Можно говорить о типах социума, в зависимости от исторического периода. Элементом общества является деятельность человека. Т. е. общество, по своей сути, носит функциональный, полностью отчужденный от социальных институтов, характер. Основу общества составляют экономическая и политическая системы, экономические и политические отношения.

Данная концепция различает буржуа и капиталистов. Буржуа – понятие социальное. Капиталист – категория экономическая. Один и тот же человек как буржуа вынужден тратить деньги на поддержание своего социального престижа и имиджа сообразно положению в социуме. А как предприниматель – должен вкладывать свой капитал в дело, так же как пролетарий вынужден продавать свою рабочую силу этому капиталисту. Вынуждают законы общества (экономической системы), независимые от социального сознания.

Именно так называемые «буржуазные» революции Нового времени и предопределили переход от одной эпохи к другой. Время буржуазных революций связано с такой категорией как революционный период (РП), концепцию которого разрабатывает автор [23]. Революции (и последующие контрреволюции), в одной стране или группе близких стран, составляют целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда в обществе создаются условия, исключающие возможности каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы. К странам первой генерации (СПГ) можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – гражданской войной. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В большинстве европейских государствах (в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии – странах второй генерации (СВГ), революционный период начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В странах третьей генерации (СТГ) – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, Индии, Мексике РП ограничился рамками XX в.

Возникает вопрос – какой основной фактор повлиял на сроки наступления РП и специфику его протекания. Анализ предшествующего исторического развития в рассматриваемых странах показал, что просматривается определенная связь с характером и уровнем феодальных революций.

Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе (в первую очередь на территории нынешней Франции), нужно иметь в виду, что собственно германские племена (франки) исторически к этому отношения не имели. То же самое относится и к реликтам романского населения. К моменту феодальной революции (а это район IX-X веков) уже не было ни того, ни другого. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные

регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского, и латинского сознания. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность как синкретическое единство и того и другого [7].

В то же время в Германии присутствовала племенная составляющая в сознании местных феодалов, что и предопределило более поздние сроки начала РП здесь в XIX в. по сравнению с Францией. В России феодальная революция имела место уже в рамках Московского государства – на 400 лет позже, чем в Западной Европе. Для нее был характерен заметный уровень преемственности с предыдущим периодом Древней Руси [27].

В Китае феодализм как система (в «китайском исполнении») появляется только в период династии Сун в X в. [26, с. 34]. В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался «с чистого листа», в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. Следует отметить, что этому предшествовал почти 700-летний период феодализации, когда многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели только отдельные признаки, характерные для феодализма.

Невысокий потенциал развития, относительная изоляция китайской ойкумены способствовали тому, что самостоятельное появление здесь пороха, бумаги, компаса, в отличие от Европы, не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации [25, с. 109]. Попытки реформ со стороны первого императора династии Мин – Чжу Юаньчжана закончились провалом. Китай перешел в инерционную фазу развития.

В процессе исторического развития, при переходе от одного этапа к другому, революции способствовали смене одного типа сознания другим. Неполный характер революции предполагал наличие многочисленных реликтов старого сознания, обычаев, традиционных форм организации социума.

В начале XX века в Китае мы по-прежнему имеем традиционную общину, которая принципиально (в плане своего архетипа) не отличалась от таковой в древности. Земля принадлежала отдельным семьям. Глава семьи не мог продать имущество без согласия остальных мужчин. Преимущественное право на покупку участка имели родственники [40, с. 274]. Здесь можно говорить о заметной ограниченности прав на землю [13, с. 41].

Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаем. В деревне доминировали клановые отношения. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана [15, с. 103]. Определенный внутренний порядок поддерживался на основе клановых отношений. Кланов осуществляли контроль за нравами, поведением, соблюдением обычаев и наказывали провинившихся [40, с. 276].

Практика приобретения земли шэньши, торговцами и ростовщиками, характерная для XIX в., не приводила к каким-либо заметным изменениям. Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание [39, с. 103]. Товарно-денежные отношения носили

внешний, зависимый характер. Следует отметить несовместимость конфуцианской идеологии с предпринимательством. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные настроения [36, с. 205]. Хозяйственная замкнутость крестьян определяла господство натуральной экономики [33, с. 20]

В этой ситуации говорить о развитии каких-либо капиталистических отношений на селе не имеет никакого смысла. В Китае помещик отличался от бедного крестьянина только в имущественном отношении. В юридическом отношении все землевладельцы, включая и помещиков и владельцев небольших участков земли, относились к одному сословию – нун [41, с. 14]. Даже если помещик или богатый крестьянин (кулак) реализовал свою продукцию на рынке, это не означает, что у них появлялось капиталистическое сознание. Необходимо понимать, что в китайской деревне не было тех крестьян-буржуа, которых мы видим в фильме «Соломенная шляпка». И дело не во внешнем виде и образе жизни, а в характере сознания.

Что касается города. Экспансия со стороны западных стран и заключение неравноправных, кабальных договоров, тем не менее, способствовало появлению в Китае капиталистического уклада. Здесь нужно иметь в виду, что капиталистический уклад отличается от капиталистической системы. Уклад – это структура, которая в отличие от системы не имеет ни своих законов, ни потенциала развития. Даже в Германии и Италии как СВГ, капиталистическая система появилась под влиянием аналогичных процессов в Англии и Франции. Еще в большей степени это относится к Японии.

В Китае можно было выделить два основных капиталистических уклада – иностранный и национальный. Первый работал в соответствии с национальными интересами этих государств, а не Китая. Парадокс еще заключался в том, что иностранные компании в Китае, также как и в других СТГ, имели режим наибольшего благоприятствования со стороны государственных органов, в отличие от собственно национального капитала. Руководство страны навязывало буржуазии такую форму организации предпринимательства, которая находилась под неусыпным контролем бюрократии [45, с. 12]. При этом отсутствовали какие-либо правовые гарантии свободы предпринимательства [39, с. 197]. Сюда следует добавить отсутствие всекитайского рынка, преобладание региональных хозяйственных связей, неразвитость инфраструктуры, экономическую раздробленность страны [15, с. 148].

В Китае «своих» капиталистов по существу не было. Предприниматель является капиталистом только в рамках соответствующей системы. Компрадоров можно назвать «капиталистами» до тех пор, пока они работали на иностранные компании, которые являлись элементом своей национальной капиталистической системы.

Отсутствие в Китае капиталистической системы предопределило слабость буржуазии [32, с. 233] не только в экономической, но и политической области. Буржуазия так и не смогла организовать ни политической партии, ни тем более своей диктатуры в период обеих революций [38, с. 73], не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы [2, с. 202]. Так же как и в других СТГ, буржуазия не смогла самоорганизоваться в класс. Так

называемая «третья сила» (революционная партия Китая), связанная с национальной буржуазией, так и не смогла завоевать доверие народа [15, с. 47].

Чжан Дунсунь в начале революционного периода считал, что в Китае в то время не было класса, достаточно сильного политически и экономически, который смог бы излечить Китай от его болезней [14, с. 56]. Стояла задача – трансформировать традиционное сознание основной массы населения в процессе построения политической и экономической систем в РП. Облегчало эту задачу то, что уже в XIX начался процесс пауперизации, которые в широком смысле этого слова составляли почти 60%, включая бедняков и батраков [35, с. 20]. Здесь под пауперизацией нужно понимать не просто обнищание (от лат. рацрег «бедный, неимущий»), а процесс разложения традиционного сознания, традиционных структур.

Не надо забывать, что основу рабочего класса в этот период составляли бывшие пауперы. То же самое относится к основной массе солдат армий милитаристов, Гоминьдана и КПК [15, с. 131]. Основное отличие заключалось в том, что только КПК, при самом активном участии Мао Цзэдуна, в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий (известные события в Футяни в 1930 г.), инактивировала традиционное сознание крестьян. Это дало партии идеальный «материал» для формирования боеспособной и дисциплинированной армии. Была решена задача – превратить сборище плохо вооруженных крестьян и рабочих, бродяг и бандитов в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику [46, с. 180].

В то же время Гоминьдан, объединявший в своих рядах основные страты китайского общества, отличался пестротой состава партии, столкновением интересов, представленных в ней социальных слоев и групп [11]. В поражении Гоминьдана не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком [12, с. 210], не был реформатором с «большой буквы». Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований [5, с. 367].

Чан Кайши, по существу, руководствовался конфуцианскими принципами [6, с. 65], несовместимыми с законами политической системы и РП. Для Чан Кайши была характерна апология традиционных сельских социальных институтов Китая [31, с. 168]. В то же время Мао Цзэдун, будучи политиком макиавеллиевского типа, интуитивно чувствовал эти законы. К подобного рода политикам относился Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Черчилль. Кстати, если бы последний очутился на месте Сталина или Мао Цзэдуна, он действовал точно такими же методами.

Переход от одного этапа развития к другому сопровождается сменой исторического сознания. В Китае эта роль была отведена Культурной революции, которая по замыслу Мао-Цзэдуна должна была сломать институты общественного сознания, закрепленные в морально-идеологических схемах конфуцианства. Буржуазия этой страны так и не смогла в свое время произвести свою буржуазную культурную революцию.

Культурная революция как феномен вызывает неоднозначные оценки уже в течение полувека. К сожалению, в основном доминирует поверхностный, часто эмоциональный подход к данному явлению, которое по нашему мнению оказало и оказывает (косвенно) существенное влияние на ход мировой истории в лице современного Китая.

Разговоры о преступлениях «культурной революции», иррациональных бесчинствах и зверствах хунвейбинов [16, с. 187], восприятии «революции» как катастрофы [8, с. 265], мало что дают для глубокого понимания данного явления, его места в рамках исторической системы. Здесь также нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию.

В начальный период Культурной революции внешне все выглядело как конфликт внутри партийного руководства [44, с. 534, 535]. Лю Шаоци был официальным преемником Председателя. Однако Мао Цзэдун панически боялся появления после его смерти в Китае ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущева. По-видимому, Мао чувствовал, что в случае кризиса и выступления антисоциалистических сил, Лю Шаоци может «дать слабину». Как это наблюдалось впоследствии с Ху Яобаном во время студенческих волнений в 1986 г. и Чжао Цзяном во время событий на площади Тяньаньмэнь.

У Сталина Мао научился раз в 7-8 лет «встряхивать» руководство партии и государства, устраняя при этом потенциальных соперников [5, с. 84]. Начиная Культурную революцию, Мао исходил из принципа – «без разрушения нет созидания». Он пришел к решению, которое выражалось формулой: «Только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там порядок» [30, с. 19]. Мао считал, что в партию, правительство, армию проникло большое количество представителей буржуазии и «контрреволюционных ревизионистов». Только начав «Великую пролетарскую культурную революцию» можно было решить накопившиеся проблемы [37, с. 123], ликвидировать в зародыше ревизионизм и предотвратить сползание на путь капитализма [16, с. 186].

Основной удар был направлен по идеологическим органам партии [34, с. 554], представителям творческой интеллигенции [42, с. 130, 131]. Т. е. потенциальным носителям идеи «ревизионизма». Мао считал, что угроза реставрации капитализма исходит не столько от остатков буржуазии, сколько от самих членов партии и ее руководства [10, с. 57].

Хотя Мао Цзэдун одной из основных задач Культурной революции считал разрушение традиционного, «феодалного» сознания, тем не менее, ряд авторов обращают внимание на проявление у Мао в его деятельности многих принципов конфуцианства [29]. «Культурная революция» реставрировала старые обрядовые традиции Китая в таких масштабах, что политическое руководство, видимо, было обеспокоено столь явным господством религиозной формы [17, с. 358]. Но это все форма – понятная для основной массы населения. Мао Цзэдун в проведении реальной политики всегда придерживался объективных законов политической системы.

Сходство решаемых исторических задач сближает события периода Культурной революции с реформами Ивана Грозного. Нечто похожее имело место при первом императоре династии Мин – Чжу Юаньчжане, когда путем репрессий была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских ученых, крупных землевладельцев, военачальников. Речь идет о десятках тысяч человек [4, с. 163]. На их место приходили люди из формально непривилегированных слоев («служилые люди»), которые своим положением были обязаны новой династии. Были даже свои «опричники». Для вылавливания «ненадежных» был создан специальный военизированный отряд – «парчовая охрана», занимавшаяся сыском и пытками [3, с. 38].

Основной целью террора в период всех революций было устранение носителей «старого сознания». Иван Грозный всеми способами пытался сконцентрировать всю политическую власть в одних руках путем репрессий против князей и бояр как носителей удельного сознания [18, с. 28]. Большая часть родовитой элиты по-прежнему воспринимала Грозного как великого князя, а не как царя – символа единства Московского государства и всех его сословий

Не смотря на почти религиозное почитание Мао Цзэдуна основной массой населения [17, с. 355, 365.], большая часть партийной элиты относилась к Мао не столько как вождю – воплощению, олицетворению нации [10, с. 45] , сколько старому товарищу по партии. В тоже время требовалась реальная концентрация политической власти в одних руках [9, с. 6] для последующего эффективного проведения реформ, как в 30-е годы в СССР. Кстати, в 80-е годы так оно и было в лице Дэн Сяопина. Нужно было заменить партийную «родовую аристократию» партийным «служилым человеком». Чем в свое время в Союзе и занимался Сталин.

Просматривается много параллелей между опричниками и хунвейбинами. Обе организации имели архетип мужского союза. В еще первобытный период юноши, прошедшие инициацию, но еще не вступившие в брак, жили отдельно от общины и занимались, с одной стороны охраной границ племени, а с другой – грабительскими набегами на соседей [1, с. 50, 51]. Членов мужского союза характеризовало отсутствие традиционного сознания. Впоследствии, автономизация этого социального института привела к появлению надобщинных государственно-политических структур.

Именно, создание Иваном Грозным опричного войска, а Мао Цзэдуном отрядов хунвейбинов, преследовало цель оторвать молодежь от источников традиционного сознания. Опричники, присягая на верность царю и выступая как его личная охрана [19, с. 331], были готовы исполнить любой его приказ [20, с. 67]. Хунвейбины позиционировали себя как стражи революции [43, с. 47], как защитники Мао Цзэдуна [37, с. 126], используемые им для расправы с негодными [44, с. 546. 547].

В заключение следует отметить, что если бы не было Культурной революции (направленной, в первую очередь, против носителей либерального сознания) – не было бы современного Китая. Любая «перестройка» горбачевского типа привела к развалу государства [28, с. 170]. Решительные меры, направленные на подавление «майдаана» в 1989 г., с учетом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер [24, с. 147].

Литература:

1. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). – СПб.: Алтейя, 2004. – 336 с.
2. Белов Е.А. Революция 1911 – 1913 годов в Китае. – М.: Изд. Восточной литературы, 1958. – 116 с.
3. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики средневекового государства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. – М.: Восточная литература, 2002. – 430 с.
4. Боровкова Л.А. О некоторых моментах аграрной политики Чжу Юаньчжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. – М.: Наука, 1974. – С. 156-172.
5. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 384 с.
6. Буров В.Г. Современная китайская философия. – М.: Наука, 1980. – 310 с.
7. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1976. – С. 52-82.
8. Галенович Ю.М. Заметки китаевода. – М.: Муравей-Гайд, 2002. – 328 с.
9. Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. – М.: Изограф, 2005. – 672 с.
10. Гельбрас В.Г. Китай: кризис продолжается. – М.: Международные отношения, 1973. – 224 с.
11. Глунин В.И. Политика Коминтерна в Китае (1921-1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. – М.: Наука, 1978. – С. 207-244.
12. Далин С. Очерки революции в Китае. – М.-Л.: Московский рабочий, 1927. – 282 с.
13. Дацымер В.Г. Новая история Китая. – Красноярск: Крас.ГУ, 2003. – 191 с.
14. Делюсин Л.П. Спор о социализме в Китае (из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов). – М.: Наука, 1980. – 151 с.
15. Делюсин Л.П., Костяева А.С. Революция 1925 – 1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. – М.: Наука, 1985. – 281 с.
16. Делюсин Л.П. Культурная революция: тридцать лет спустя // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. – М.: ИВ РАН, 1998. – С. 185-210.
17. Желоховцев А.Н. Роль традиций в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М.: Наука, 1972. – С. 349-373.
18. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. – М.: Мысль, 1964. – 535 с.
19. Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 416 с.
20. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
21. Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 16-28.

22. Кондорский Б.М. Некоторые аспекты категорий «Социум» и «Общество» // *Society, culture, personality. Current problems of socio-humanitarian knowledge*. – Prague, 2014. – С. 13-15.
23. Кондорский Б.М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // *Политическая наука перед вызовами современной политики: Материалы VII Всероссийского конгресса политологов*. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 289-290.
24. Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // *Общество и государство в Китае*. Т. XLV, ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 134-150.
25. Кондорский Б.М. Сравнительно-исторические предпосылки революционных событий в Китае // *Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов VIII научно-практической конференции*. – Казань: 2015. – С. 104-111.
26. Кондорский Б.М. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 24-40.
27. Кондорский Б.М. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси // *Творческое наследие А.А. Зимина в современной российской историографии (VI Зиминские чтения)*. – М.: РГГУ, 2016 (в печати).
28. Кондрашова Л.И. Китай на пути к национальной модели демократии // *Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко*. – М.: Форум, 2009. – С.159-177.
29. Кюзаджян Л.С., Сорокина Т.Н. Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного китаеведения // *Китай: традиции и современность*. – М.: Наука, 1976. – С. 279-319.
30. Маомао Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний. – М.: Муравей-Гайд, 2001. – 496 с.
31. Мартынов Д.Е. Конфуцианские утопические элементы в официальной идеологии Китая в условиях модернизации страны (1927 – 1949) // *Известия Челябинского научного центра*, вып. 1 (35). – 2007. – С. 167-172.
32. Меликсетов А.В. О традиционности государственного регулирования экономической жизни в Китае // *Роль традиций в истории и культуре Китая*. – М.: Наука, 1972. – С. 214-236.
33. Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. – М.: Наука, 1966. – 272 с.
34. Непомнин О.Е. История Китая. – М.: ИВ РАН, Крафт, 2011. – 736 с.
35. Новейшая история Китая 1917 – 1927 / под ред. М.И. Сладковского. – М.: Наука, 1983. – 339 с.
36. Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционно движении 20-40-х годов. – М.: Наука, 1985. – 116 с.
37. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. – М.: Экзамен, 2007. – 286 с.
38. Симоновская Л. Союз Тумэн в китайской революции // *Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. – М.: Изд МГУ, 1952. – С. 69-80.
39. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время / под ред. Г.Д. Сухарчук. – М.: Наука, 1991. – 364 с.

40. Тяпкина Н.И. О традиционных социальных институтах китайской деревни первой половины XX в. // Седьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". – М.: Наука, 1976. Т. II. – С. 271-279.
41. Тяпкина Н.И. Роль шэньши в социально-политической организации Китая XIX в. // Двенадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае". – М.: Наука, 1981. Ч. 2. – С. 13-24.
42. Усов В.Н. КНР: От «большого скачка» к культурной революции (1960 – 1966 гг.) // Информационный бюллетень ИДВ РАН. – 1998. – № 5, ч. 2. – 241 с.
43. Усов В.Н. История КНР. Т. II. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 720 с.
44. Чжан Ю., Холлидей Д. Неизвестный Мао. – М.: Центрполиграф, 2007. – 845 с.
45. Чудодеев Ю.В. Накануне революции 1911 г. в Китае: конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. – М.: Наука, 1966. – 199 с.
46. Шорт Ф. Мао Цзэдун. – М.: АСТ, 2001. – 608 с.

УДК 299.51, 82-343, 82-344, 398.44

Корнильева Татьяна Игоревна,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Восточный факультет

T-Kornilyeva@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ДЕВЯТИ СЫНОВЕЙ ДРАКОНА» В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Анотация. В данной статье изучается возникновение и развитие концепции "девяти сыновей дракона" (龍生九子). Впервые эта концепция зародилась в династию Мин, и, как оказывается, она включает в себя огромное количество разнообразных мифических животных, не ограничиваясь числом девять. В статье мы рассматриваем символизм девятки в китайской культуре и его связь с концепцией старого *ян*. Затем мы анализируем, какие из мифических животных наиболее часто попадают в список "сыновей дракона", и приводим их описания. Кроме того, мы обнаружили, что в современном Китае концепция "девяти сыновей дракона" приобрела новое звучание: теперь эти персонажи выступают в качестве божеств-защитников китайского зодиака и покровителей профессий.

Ключевые слова и фразы: Китай, верования, мифология, драконы, сыновья дракона, девять сыновей дракона.

Tatiana I. Kornilyeva,

St. Petersburg State University,

Faculty of Orient and African Studies

T-Kornilyeva@yandex.ru